

Алексей Дьячков

СЕМЕЙСТВО СЛОЖНОЦВЕТНЫХ

2020

Алексей Дьячков

Семейство сложноцветных. Стихи

«Издательские решения»

Дьячков А.

Семейство сложноцветных. Стихи / А. Дьячков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512495-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Алексей Дьячков, тульский поэт. В 1993 году окончил строительный факультет Тульского политехнического института. Живёт и работает в Туле. Публиковался в журналах «Новый мир», «Арион», «Волга», «Новая Юность», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Урал», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Номо Legens». Лауреат литературной премии журнала «Арион» (2019).

ISBN 978-5-00-512495-1

© Дьячков А.

© Издательские решения

Содержание

МОТИВ	6
РОД	7
ГЛАЗ	8
ФИТИЛЬ	9
СТРЕЛА	10
«С этого места продолжим. Пожухли травы...»	11
ДИЕГО	12
ВЫСОТА	13
ХОЛСТ 46x46	14
ЗАНОЗА	15
СЫН	16
СУНДУК	17
АВИТА	18
МЫ	19
ОЛЬГА	20
ЖАЛОБА	21
МЫШКИН	22
РЕЧЬ	23
ТРИ ДНЯ	24
СЕНТЯБРЬ	25
СТОРОЖ	26
ПОРОЖИКИ	27
«Мать одна воспитывает сына...»	28
УТРО	29
ГРИШКИН	30
КАКИЕ СНЫ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Семейство сложноцветных Стихи

Алексей Дьячков

© Алексей Дьячков, 2020

ISBN 978-5-0051-2495-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОТИВ

Суша посреди разверстых вод.
Туча вместе с лужей утекла.
Прозой говорит экскурсовод
О библейских притче и стихах.

Охры пламя теплится едва,
Выступает свет из-под резца.
Просвещает дева: Было два
Сына у хозяина-отца.

После дней беспамятных, всего,
Что за столько лет нагородил,
На веранде постучал в окно,
Чтобы хоть один его простил.

В грудь уткнулся, не видать лица.
Пятерней за воротник пророс.
Возвращение блудного отца.
Автор неизвестен. Масло, холст.

РОД

Налипал на подошвы суглинок,
Сад узоры кроил без лекал.
В дачных зарослях конус пылинок
О погибшей звезде вспоминал.

Было солнечно, ветрено, сыро,
И стояла, как твердь, тишина.
В результате кембрийского взрыва
Ожил камень и пыль ожила,

У реки появились желанья.
Но один человек до сих пор,
Выдыхая дымок, оживает,
Головной подбирает убор.

Плащ накинув, бредёт на вечерний
Променад мимо муз-прилипал,
Чтоб реликтовым стать излученьем,
Или в новый вступить Талибан.

ГЛАЗ

Не найдут ни слава, ни величие
Пятна цвета, выгнутые линии.
Страх, преодолев косноязычие,
Выдает стога, соборы, лилии.

На цитаты знание растаскано,
В анекдоты собрана история.
Может выйти роща гаитянская,
Может склон горы Святой Виктории.

Боже мой, где прошлое и власть его?
На пруду карась сверкает денежкой.
Убежав от всех из дома засветло,
Может быть старением утетишься —

Дождиком, накапавшим на лысину,
Выползшими на рукав букашками.
Скоро в линзе вспыхнет, выжгя видимость,
Свет такой, что мало не покажется.

ФИТИЛЬ

Трепещет кинохроника неярко,
Как будто отражает тьму солярка,
Как будто каждый день встречаешь гимном,
А в снегопаде Византия гибнет.

Испуганной толпе механик строчит,
В овраге дачный домик обесточен,
В дождевике, покинув отчий терем,
К реке бежит артист под пыльный тенор.

Поднялся над травой туман осенний,
Когда выходишь в сумерки со всеми.
В коробочку садишься чуть добрее,
Чем был, и ждешь, когда мотор прогреют.

Дорогу всю о чем молчишь, Алеша,
Когда во тьме по колее трясешься?
Промаявшись без сна, встречаешь утро,
Всегда один и тот же день как будто.

СТРЕЛА

Плетеные корзины из сарая.
Пальто и плащ затертый в коридоре.
Тогда стать новым Пушкиным поклялся
Я старым соснам на задворках школьных.

Разглядывал кору стволов и хвою.
В узорах иней на трамвайных окнах.
Компостером стучали пассажиры,
И шурились на розовое солнце.

Ходил за хлебом и сдавал бутылки.
Приемщица по горлышкам стеклянным
Завороженно проводила пальцем,
И растекались музыкою звуки.

Переставлял веселый грузчик ящик.
Я быстро пересчитывал монеты,
И брел домой и мучился, что вторник,
А я еще не написал ни строчки.

«С этого места продолжим. Пожухли травы...»

С этого места продолжим. Пожухли травы,
Редкие ивы замерзли в пруду напрасно.
Кто-то же должен был выжить здесь, Боже правый,
Пламени чтобы в буржуйке не дать погаснуть.

Утром со старой собакой бродить бесцельно,
Выйти к деревне заброшенной постараться,
Чтобы застыть на холме, как работник сцены,
Перед разрухой прославленных декораций.

Сколько мы песен на праздники перепели,
Сколько хлебов испекли на ячменном пиве,
Если и правда мы жили по нашей вере,
Значит, не сгнули на пустыре в крапиве.

Время военное возраст в щетине спрячет,
Осень спугнет с покачнувшейся ветки птицу.
Выйдет на станции в серой шинельке мальчик,
Родинка выдаст родную кровь, не водицу.

ДИЕГО

Не тает в марте снег, и ты не таешь,
Зажмурившись, в маршрутке душной спишь.
Придешь домой, остатки дня взболтаешь,
С ребенком о зиме поговоришь.

Поди, пойми себя, когда простужен,
Когда старик, уставший от хлопот,
Разглядывающий остывший ужин,
Пюре разводы, хвостики от шпрот.

Поймай волну, там снова взрыв в Бейруте,
Союзники прорвались на восток.
Уже недолго ждать, лиловый прутик
Из почки скоро выпустит росток.

Со следом крови от укола ватка.
Со снежными вершинами Тибет.
Из анфилады выбежит инфанта
И сделает рогатину тебе.

ВЫСОТА

Заблудился без адреса в шахтах де Кунинга,
В подворотнях и зарослях, сумерки ведь.
Утонул, поскользнувшись на камне, – откуда мне
Было знать, что ручей маслянистый, как нефть.

Когда нас не обстрелянных рация сглазила,
И отполз я в траву из воронки сырой,
Две Марии-сестры, брата два, оба Лазаря,
В плащ-палатках своих вознеслись надо мной.

И изнеженный арфами, лютнями, домрами,
Воздух местных боев остывал во дворах.
Стая птичек Бранкузи, таможней одобренных,
Бронзовела задумчиво на проводах.

Что метафора мне, чей-то код закавыченный,
Что цитата с гиперболой тихих ребят?
Это школа рабочая краснокирпичная,
Это курсы вечерки во мне говорят —

Пятна сырости, Роршаха тест по учебнику,
Паутина усадочных трещин сквозных...
Научи нас безмолвию, тайна врачебная,
Вечерами держать за зубами язык.

ХОЛСТ 46x46

Повисни на резинке, vareжка, —
Пустой рукав пальто болит.
Кого ты обмануть пытаешься,
Ненасящий инвалид.

Застынь на стороне подветренной,
И, утонув в самом себе,
Задумайся теперь – забелено
Какое слово на стене?

У пыльного простенка в трещинах
Прислушайся совсем один —
Березы шорохом не лечатся,
И трансформатор не гудит.

Так грустно, но не плачут мальчики.
Так холодно, но греться лень.
Сложились тьма ненасящая
И свет в картину «Зимний день».

Последний штрих – синичек общество
На охре скрюченных рябин.
Еще домой ты не торопишься,
А синий снег уже скрипит.

ЗАНОЗА

Собирают крошки гули,
Желтый лист попался в сети.
Баба дремлет. Мама курит.
Приглушили звук соседи.

Я в ночные сказки верю.
Собирать мечтаю марки.
Море катится за дверью
Гулким эхом коммуналки.

Там во мраке коридора
В сизой майке бродит демон.
Третий день отца нет дома,
И никто не знает где он.

СЫН

Надевает пальто и ушанку,
В переулок выходит под снег
И в свою погружается шахту,
Замыкается в штольне от всех.

Город медленной вьюгой разрушен
И лежит на холме как тулуп,
Только вывернут мехом наружу,
На изгибах затерт там и тут.

Как на зиму оставшийся дачник,
Бродит тихо, считает года,
Повторяет условие задачи,
Чтоб ее не решить никогда...

На себя самого без остатка
Подели этот двор не живой,
Света залежи в каменных складках,
В виде снега осадки порой,

И, стараясь забыть об утратах,
Ожидай свой маршрут на ветру.
Разбирай тишину на цитаты,
На сплошную цитату одну.

СУНДУК

Память не чернила,
Не газетный слог,
Свет запечатлела
Тот, что ФЭД не смог.

Белые пушинки,
Шумные дворы.
Мальчиков в ушанке,
И царя горы.

Счастьем снежный вечер
Поделиться рад
С каждым, но засвечен
Хрупкой Свемы кадр.

Мутный дождь на пленке,
В слабом чае все
Тридцать шесть, и только
На последнем свет.

Чей-то взгляд усталый,
Века нервный тик,
Все, что не попало
В черный объектив.

АВИТА

В детской комнате с книжными полками
Искалечил пространство трильяж.
Прикреплен канцелярскими кнопками
Над кроватью весенний пейзаж.

То ли с соснами склон, то ли с пихтами,
Старый дом доживает свой век,
Озарён излученьем реликтовым
На веранде подтаявший снег.

Не входи. У окна с влажной наледью,
Там не юный застыл человек.
Дав простор накопившейся памяти,
Время остановило свой бег.

Со значком гто, с лапкой кроличьей
Вдаль глядит, повторяет сезам,
Чтобы вдруг обнаружив сокровище,
Неуместным дать волю слезам.

На реке лёд поставила оттепель —
Даль по склону спустилась к реке,
За лиловыми прутьями родины
Ковыляет рыбак налегке.

Алым стягом и вербными розгами
Не на праздник украшенный путь.
Выходя отдышаться на воздухе,
Свой треух натянуть не забудь.

МЫ

Они за внуком ходят и на почту,
Над розой в палисаднике хлопчут,
Ждут пенсии, справляют юбилей
И старости стесняются своей.

Она живет театром и надеждой,
Его за локоть на прогулке держит,
Помадой красит губы, кофе пьет,
Бывает курит, если слезы льет.

Он зубоскал, не домосед, не скаред.
На шахматных турнирах медь спускает —
Жалеет, что с фигурой ничья.
И что на канарейку накричал.

Я часто их у магазина «Нива»
Встречаю – вдоль витрин неторопливо
Ведут домой друг друга, семят,
И никогда не смотрят на меня.

Они одни. Как снег раскисший тает
Она весь путь без умолку болтает,
Об облаках, о красоте огней.
Он никогда не отвечает ей.

ОЛЬГА

С письмом моим, с набросками романа,
Со строчками, цена которым грош,
С платформы через заросли бурьяна
До нашего поселка добредешь.

На пустыре со снегом талым ветер
Возводит из сухой травы редут.
Тебя осина и рябина встретят
И до жилых строений доведут.

Не вспыхнув, у ларька затихла драка.
Над белой лужей выгнулось бельё.
Служилый задремал в тени барака
Боярышником терпким утомлён.

В косынке в белый выцветшей горошек,
В поношенном сиреневом плаще.
Прижму тебя, немую, осторожно,
Среди чужих навешанных вещей.

Детей творенья, женщину, мужчину,
Любовников убогих, горемык,
Таких безмолвных, слабых беззащитных,
Горячих, своенравных, волевых

На этом берегу храни нас мама,
Ведь ночью унесло теченьем плот.
Одиннадцать таблеток нембутала
Помогут переправиться на тот.

ЖАЛОБА

Ни войны, ни нелепых смертей гарнизонных,
Ни инсульта майора. Зато
Пруд без рыбы, и розовый прут горизонта,
И из кладки кирпичной раствор.
Монотонная музыка, повод дешёвый,
Паутины замёрзшая нить.
Это я на снегу, дара речи лишенный,
Ни о чем не могу говорить.
Медсестры тренирую весь год по совету
На А. Пушкине память свою.
Называю упрямо медчасть лазаретом
И полковника не узнаю.
С наступленьем морозов, я за отопленье
Буду в нашем раю отвечать.
Нагнетать кислород в отведенное время
И на вахтенном ставить печать.

МЫШКИН

С железных скатов спустимся, как с гор,
Накапаем и выпьем валидол,
Распродадим «Сосновый лес» и «Витязей»,
Часы большие из квартиры вынесем.

Простимся навсегда, как ты сказал.
Кого-нибудь проводим на вокзал.
Сорвется поезд. – В окнах пролетающих
Вагонов только мы, твои товарищи.

Немая сцена, старое кино.
У нас грудные клетки, как окно,
Распахнуты. – Горят леса подлесками,
Когда проем трепещет занавесками.

Ответим на записку: Все путем!..
Уйдем от мира или в мир войдем. —
Возьмём на память по открытке с видами,
Останемся влюблёнными. Наивными.

РЕЧЬ

От дачи покосившейся поэта
В безоблачный четверг в начале лета
Брели с тобой, не поднимая лиц,
В толпе, со всеми вместе, пыль глотая,
На край деревни, где сосна кривая
И холмики погоста разрослись.

Пока ведущий наводил порядок,
Среди крестов и низеньких оградок
Топтались, вдаль глядели далеко.
На рыхлых комьях чернозёма, глины
Молчали у пустой ещё могилы,
Как будто в ожидании его.

Здесь склон с сосной, чуть ниже – сруб сарая,
А дальше роща и коза живая,
В лугах петляет белая река —
Простора много нам с тобой для счастья...
Мы ждём распоряжения прощаться.
А он на нас глядит издалека.

Теперь он наш. Как ливень под осиной
Пережидали мы, невыносимо
Хотелось продолжения грозы...
Как целый век в дождливый вечер сжался,
Как август, затянувшись, продолжался,
Познали разом, ведь теперь он – мы.

Уже не тяжесть скорбная, а знанье,
Дар благодати, тайна состраданья
Наполнив, разомкнули нам уста —
Найдем слова такие в дни утраты,
Друг друга чтобы на пути обратном
И тех – других – утешить, кто отстал.

О будущем ещё не знаем сами,
Так будем говорить его словами,
Его простым, доступным языком —
О том, что повторятся многократно
И день, что скоро скатится к закату,
И час, что с детства каждому знаком.

ТРИ ДНЯ

Потопчутся друзья и выйдут на мороз,
Чтоб облако найти – громадину эсминца.
И женское лицо, опухшее от слез
Прошепчет: Боже мой, – и надо мной склонится.
А в комнате моей от солнечных полос
Пыль на паркетных швах, как иней, серебрится.
И кажется, что снег, как обещал прогноз
Погоды, мельтешит и освещает лица.

Замедлилось кино и встало наконец,
И рваный край окна, и света луч не ровный,
И тихая вода без кровавых телец,
Без мартовских запруд – разбухших снежных тромбов.
Чай травяной остыл, душица и чабрец,
Рондо родных дробей и пионерских горнов,
Все стихло, улеглось. И кто теперь малец
Что на холме замерз, а не бежит проворно.

Без веток ствол в воде, пляж ледяной без тел,
На маленьком пеньке одна замерзла ляля.
Дружина ждет гонца, но нет меня нигде.
Я прописи забыл, и больше не гуляю.
Задумчивость сморгну и отдышусь когда,
И взглядом обведу рассеянно округу,
По насыпи какой к посадке в два ряда
Разросшихся берез сбежать мне хватит духу.

Как из морских глубин, боль выйдет из меня,
Как земноводный зверь, из волн шагнет на сушу.
Какою долготой измерю радость дня,
Улыбкою какой родную встречу душу.
Богатством поделись теперь со мной скорей —
Медальками осин, погонами без лычек,
Значками гто, как днями без скорбей,
Священный скарабей в коробке из-под спичек.

СЕНТЯБРЬ

Со мной пейзаж осенний, деревенский,
Неровный трепет блеклой занавески,
Собачий лай, без отзвука вопрос.
Велосипед крапивою зарос.

Студенты на турбазе «Клен» допели.
Со мною дед в рубашке из фланели,
Мы оба возвращаемся домой.
Отец на фотографии другой

Рассматривает чертежи из папки.
На сенокосе задремали бабки.
Класс на линейке. За столом семья.
Улыбчивый, угрюмый, грустный я.

Все лето околачиваю груши.
Такой, как есть, я никому не нужен.
Застыл на склоне, – Так стоять? – спросил
На фоне облетающих осин.

СТОРОЖ

Меня разбудит лай собак,
Тяжелой ветки треск.
И будет серебриться, как
В формальдегиде, лес.

И будет мне луна бельмом
Над пустырем светить,
Когда я выйду из депо,
Присяду покурить.

Дымок клубиться не спеша,
Порхает мошкара.
В футбол гоняет малышня,
Давно домой пора.

Они дурачатся одни,
Не прекращают бег.
Меня почти что все они
Переживут на век.

Чтоб сумерек продлился миг,
Исчезли берега.
Чтоб вспомнил кто-нибудь из них
С сигаркой старика.

Как он сутулился, дымил,
Хватая воздух ртом,
Как сам с собою говорил,
Чтоб все забыть потом.

ПОРОЖИКИ

Добавят подворотне детским почерком
Написанные формулы уют.
Из арки поползет за рыбой очередь,
И хвост над головами понесут.

То отраженье неба, то растение
И комната – комод, ковер, кровать.
Истерика в конторе – бухгалтерия
Напутала со сроками опять.

За шторами людей не видно с улицы.
Там кто-то мерзнет, дует в кулачок,
Там пишет детским почерком, сутулится
Над пухлым кондуитом старичок.

Дождется каждый немощи и помощи,
Товарищей сочувствия, тепла,
Чтоб побрести с горбушею в оберточной
Бумаге вдоль витринного стекла.

«Мать одна воспитывает сына...»

Мать одна воспитывает сына.
На работе нервы и рутина,
Зависть баб, начальница без мозга.
Дома раздражительность подростка.

Долго ничего не происходит...
Любит, одевает по погоде.
Что еще? – не плачет, что без мужа.
Тянет, у других бывает хуже.

Балует себя какао чашкой,
Кексом, сигаретною затяжкой.
В выходные стирка и уборка.
Нудные беседы, все без толка.

Мальчик вырос, привыкает к телу
Своему, по делу и без дела
Комплексует – слишком много знает,
Чтоб себя не выдать – уступает.

Ночью оба вспоминают отпуск,
Лето, из усадьбы бывшей корпус,
Сад заросший топчут постояльцы,
До отбоя на веранде танцы.

Помнит он песчаный берег плеса,
От бретельки нежный след белесый —
Девочку на пляже с модной стрижкой.
Помнит мамы глупую интрижку.

Жаль, что не становится моложе, —
Думает о маме мальчик... Может
Быть когда-нибудь еще поедем —
Следующим летом, вряд ли этим.

УТРО

Храним тепло под одеялами,
Глубины – подо льдом реки. —
Таким должно быть идеальное,
Или каким-нибудь другим.
Чтоб сталинку учил величеству
Сугроб замерзшего куста,
Чтоб гипсом в туфе вулканическом
Вдруг заполнялась пустота.

Тьма ночи прирастает кельями,
Густой рассадой – огород.
Обои в детской переклеили
На дачу вывезли комод.
Забрали двор не огороженный,
И лающей собаки страх,
Картонную иконку с Боженькой,
Где Он младенец на руках.

ГРИШКИН

Пол бетонный, дверь, стены четыре,
Старый зэк, живущий на чифире,
Извести, кристаллах купороса,
Гулком коридоре на допросы.

В узком, захламленном кабинете
Следака – окно, в котором ветер
Тополя листву усердно гладит.
Стоит жить картинки этой ради —

Каждый раз загадывать желанье,
Маяться-томиться в ожиданье
Вызова, базар держать, как старец,
На слепящий тополь жадно пляясь.

Вот и всё, все глупости по пьяни.
Дерево – одно воспоминанье,
Счастье, от которого не деться
Никуда, как от любви из детства.

КАКИЕ СНЫ

Вынашивала, думала о доченьке,
Рожала в их строительном вагончике,
Который знала каждая собака,
Поскольку стоек запах доширака.

По вечерам спешил домой со смены он,
Где впахивал с такими же нацменами —
Узбеками в бушлатах, рыжих касках —
На монолите, арматурной вязке.

В углу у печки на дубовой лавочке
Явился мальчик под моргучей лампочкой
В снегах чужбины молчаливой, серой,
Под чавканье овцы, жующей сено.

Держалась жизнь за тельце малокровное,
За жар, за стол с тарелками-приборами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.